

Василий Никитич ТАТИЩЕВ (1686 – 1750)

Известный русский историк, родился 16 апреля 1686 года в поместье отца его, Никиты Алексеевича Татищева, в Псковском уезде; учился в московской артиллерийской и инженерной школе под руководством Брюса, участвовал во взятии Нарвы (1705), в Полтавской битве и в прусской кампании; в 1713-14 годах был за границей, в Берлине, Бреславле и Дрездене, для усовершенствования в науках. В 1717 году Татищев снова был за границей, в Данциге, куда Петр I его послал хлопотать о включении в контрибуцию старинного образа, о котором шла молва, будто он писан св. Мефодием; но магистрат города не уступил образа, а Татищев доказал Петру неверность предания. Из обеих своих поездок за границу Татищев вывез очень много книг. По возвращении Татищев состоял при Брюсе, президенте берг- и мануфактурколлегии, и ездил с ним на Аландский конгресс. Представление,

сделанное Брюсом Петру Великому о необходимости подробной географии России, дало толчок к составлению „Русской Истории“ Татищева, на которого Брюс в 1719 году указал Петру, как исполнителя подобной работы. Татищев, посланный на Урал, сразу не мог представить царю план работы, но Петр не забыл об этом деле и в 1724 году напомнил о нем Татищеву. Принявшись за дело, Татищев почувствовал необходимость в исторических сведениях и потому, отодвинув географию на второй план, принялся собирать материалы для истории. Ко времени начала этих работ относится другой, тесно связанный с ним план Татищева: в 1719 году он подал царю представление, в котором указывал на необходимость размежевания в России. В мысли Татищева оба плана связывались; в письме к Черкасову в 1725 году он говорит, что был определен „к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной географии с ландкартами“. В 1720 году новое поручение оторвало Татищева от его историко-географических работ. Он был послан „в Сибирской губернии на Кунгуре и в прочих местах, где обыщутся удобные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить“. Ему приходилось действовать в стране мало известной, некультурной, издавна служившей ареной для всяких злоупотреблений. объехав вверенный ему край, Татищев поселился не в Кунгуре, а в Уктусском заводе, где и основал управление, названное в начале горной канцелярией, а потом сибирским высшим горным начальством. Во время первого пребывания Татищева на уральских заводах он успел сделать весьма многое: перенес Уктусский завод на реке Исеть и там положил начало нынешнего Екатеринбурга; добился дозволения пропускать купцов на ирбитскую ярмарку и через Верхотурье, а также заведения почты между Вяткой и Кунгуром; при заводах открыл две первоначальные школы, две — для обучения горному делу; выхлопотал учреждение особого судьи для заводов; составил инструкцию для оберегания лесов и т. п. Меры Татищева вызвали неудовольствие Демидова, видевшего подрыв своей деятельности в учреждении казенных заводов. Для расследования споров на Урал послан был Геник, нашедший, что Татищев во всем поступал справедливо. Татищев был оправдан, в начале 1724 года представлялся Петру, был

произведен в советники бергколлегии и назначен в сибирский обербергамт. Вскоре затем его послали в Швецию для надобностей горного дела и для исполнения дипломатических поручений. В Швеции Татищев пробыл с декабря 1724 года по апрель 1726 года, осмотрел заводы и рудники, собрал много чертежей и планов, нанял гранильного мастера, пустившего в ход гранильное дело в Екатеринбурге, собрал сведения о торговле Стокгольмского порта и о шведской монетной системе, познакомился со многими местными учеными и т. д. Возвратясь из поездки в Швецию и Данию, Татищев несколько времени занимался составлением отчета и, хотя еще не отчисленный от бергамта, не был, однако, послан в Сибирь. В 1727 году Татищев назначен был членом монетной конторы, которой тогда подчинены были монетные дворы; на этой должности его застали события 1730 года. По поводу их Татищевым составлена была записка, которую подписали 300 человек из шляхетства. Он доказывал, что России, как стране обширной, более всего соответствует монархическое управление, но что все-таки „для помощи“ императрице следовало бы учредить при ней Сенат из 21 члена и собрание из 100 членов, а на высшие места избирать баллотировкой; здесь же предлагались разные меры для облегчения положения разных классов населения. Вследствие нежелания гвардии согласиться на перемены в государственном строе, весь этот проект остался втуне, но новое правительство, видя в Татищеве врага верховников, отнеслось к нему благосклонно: он был обер-церемониймейстером в день коронации Анны Иоанновны. Став главным судьей монетной конторы, Татищев начал деятельно заботиться об улучшении русской монетной системы. В 1731 году у Татищева начались недоразумения с Бироном, приведшие к тому, что он был отдан под суд по обвинению во взяточничестве. В 1734 году Татищев был освобожден от суда и снова назначен на Урал, „для размножения заводов“. Ему же поручено было составление горного устава. Пока Татищев оставался при заводах, он своей деятельностью приносил много пользы и заводам и краю: при нем число заводов возросло до 40; постоянно открывались новые рудники, и Татищев считал возможным устроить еще 36 заводов, которые открылись лишь через несколько десятилетий. Между новыми рудниками самое важное место занимала указанная Татищевым гора Благодать. Правом вмешательства в управление частных заводов Татищев пользовался весьма широко и тем не раз вызывал против себя нарекания и жалобы. Вообще, он не был сторонником частных заводов, не столько из личной корысти, сколько из сознания того, что государству нужны металлы, и что, добывая их само, оно получает более выгоды, чем поручая это дело частным людям. В 1737 году Бирон, желая отстранить Татищева от горного дела, назначил его в оренбургскую экспедицию для окончательного усмирения Башкирии и устройств управления башкир. Здесь ему удалось провести несколько гуманных мер: например, он выхлопотал, чтобы доставление ясака было возложено не на ясачников и целовальников, а на башкирских старшин. В январе 1739 года Татищев приехал в Петербург, где устроена была целая комиссия для рассмотрения жалоб на него. Его обвиняли в „нападках и взятках“, не исполнительности и т. п. Есть возможность допустить, что в этих нападках была доля истины, но положение Татищева было бы лучше, если бы он ладил с Бироном. Комиссия подвергла Татищева аресту в Петропавловской крепости и в сентябре 1740 года приговорила его к лишению чинов. Приговор, однако, не был исполнен. В этот тяжелый для Татищева год он написал свое наставление сыну — известную „Духовную“. Падение Бирона вновь выдвинуло Татищева: он был освобожден от наказания и в 1741 году назначен в Царицын управлять Астраханской губернией, главным образом для прекращения беспорядков среди калмыков. Отсутствие необходимых военных сил и интриги калмыцких владетелей помешали Татищеву добиться чего-либо прочного. Когда вступила на престол Елизавета Петровна, Татищев надеялся освободиться от калмыцкой комиссии, но это ему не удалось: он был оставлен на месте до 1745 года, когда его, из-за несогласий с наместником, отставили от должности. Приехав в свою подмосковную деревню Болдино, Татищев уже не оставлял ее до смерти. Здесь он заканчивал свою историю, которую в 1732 году привозил в Петербург, но к которой не встретил сочувствия. Обширная переписка, веденная Татищевым из деревни, дошла до нас. Накануне смерти он поехал в церковь и велел

туда явиться мастеровым с лопатами. После литургии он пошел с священником на кладбище и велел рыть себе могилу подле предков. Уезжая, он просил священника на другой день приехать приобщить его. Дома он нашел курьера, который привез указ, прощавший его, и орден Александра Невского. Он вернул орден, сказав, что умирает. На другой день он приобщился, простился со всеми и умер (15 июля 1750 года). Главное сочинение Татищева могло появиться в свет только при Екатерине II. Вся литературная деятельность Татищева, включая и труды по истории и географии, преследовала публицистические задачи: польза общества была его главной целью. Татищев был сознательным утилитаристом. Мировоззрение его изложено в его „Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ“. Основной идеей этого мировоззрения была модная в то время идея естественного права, естественной морали, естественной религии, заимствованная Татищевым у Пуфендорфа и Вальха. Высшая цель или „истинное благополучие“, по этому воззрению, заключается в полном равновесии душевных сил, в „спокойствии души и совести“, достигаемом путем развития ума „полезной“ наукой; к последней Татищев относил медицину, экономию, законоучение и философию. К главному труду своей жизни Татищев пришел вследствие стечения целого ряда обстоятельств. Сознывая вред от недостатка обстоятельной географии России и видя связь географии с историей, он находил необходимым собрать и рассмотреть сначала все исторические сведения о России. Так как иностранные руководства оказались полными ошибок, Татищев обратился к первоисточникам, стал изучать летописи и другие материалы. Сначала он имел в виду дать историческое сочинение, но затем, найдя, что на летописи, еще не изданные, ссылаться неудобно, решил писать в чисто летописном порядке. В 1739 году Татищев свез в Петербург труд, над которым он проработал 20 лет, и передал его в Академию Наук на хранение, продолжая работать над ним и впоследствии, сглаживая язык и прибавляя новые источники. Не имея специальной подготовки, Татищев не мог дать безукоризненный научный труд, но в его исторических работах ценны жизненное отношение к вопросам науки и соединенная с этим широта кругозора. Татищев постоянно связывал настоящее с прошлым: объяснял смысл московского законодательства обычаями судейской практики и воспоминаниями о нравах XVII века; на основании личного знакомства с инородцами разбирался в древней русской этнографии; из лексиконов живых языков объяснял древние названия. Вследствие этой-то связи настоящего с прошлым Татищев несколько не отвлекался занятиями по службе от своей основной задачи; напротив, эти занятия расширяли и углубляли его историческое понимание. Добросовестность Татищева, раньше подвергавшаяся сомнениям из-за его так называемой Иоакимовской летописи, в настоящее время стоит выше всяких сомнений. Он никаких известий или источников не выдумывал, но иногда неудачно исправлял собственные имена, переводил их на свой язык, подставлял свои толкования или составлял известия, подобные летописным, из данных, которые ему казались достоверными. Приводя летописные предания в свод, часто без указания на источники, Татищев дал, в конце концов, в сущности не историю, а новый летописный свод, бессистемный и достаточно неуклюжий. Первые две части I тома „Истории“ были изданы впервые в 1768-69 годах в Москве, Г. Ф. Миллером, под заглавием „История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через 30 лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором В. Н. Татищевым“. II том издан в 1773 году, III том — в 1774 году, IV том — в 1784 году, а V том был найден М. П. Погодиным лишь в 1843 году и издан обществом истории и древностей российских в 1848 году. Татищев привел в порядок материал до времени смерти Василия III; им же был заготовлен, но не проредактирован окончательно материал до 1558 года; ряд рукописных материалов имелся у него и для позднейших эпох, но не дальше 1613 года. Часть подготовительных работ Татищева хранится в портфелях Миллера. Кроме истории Татищева и упомянутого выше разговора, составил большое количество сочинений публицистического характера: „Духовная“, „Напоминание на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств“, „Рассуждение о ревизии поголовной“ и другие. „Духовная“ (издана в 1775 г.) дает подробные наставления, обнимающие всю жизнь и

деятельность человека (помещика). Она трактует о воспитании, о разных родах службы, об отношениях к начальству и подчиненным, о семейной жизни, управлении имением и хозяйством и т. п. В „Напоминании“ излагаются взгляды Татищева на государственное право, а в „Рассуждении“, написанном по поводу ревизии 1742 года, указываются меры к умножению доходов государственных. Татищев — типичный „птенец гнезда Петрова“, с обширным умом, способностью переходить от одного предмета к другому, искренно стремившийся к благу отечества, имевший свое определенное мировоззрение и твердо и неуклонно проводивший его, если и не всегда в жизни, то, во всяком случае, во всех своих научных трудах. Ср. Н. А. Попов „Татищев и его время“ (Москва, 1861); П. Пекарский „Новые известия о В. Н. Татищеве“ (III т., „Записки Императорской Академии Наук“, Санкт-Петербург, 1864); „Об издании сочинений В. Н. Татищева и материалы для его биографии“ (А. А. Куника, 1883, изд. Императорской Академии Наук); К. Н. Бестужев-Рюмин „Биографии и характеристики“ (Санкт-Петербург, 1882); Сенигов „Историко-критические исследования о Новгородской летописи и о Российской истории Татищева“ (Москва, 1888; рецензия С. Ф. Платонова, „Библиограф“, 1888, № 11); издание „Духовной“ Татищева (Казань, 1885); Д. Корсаков „Из жизни русских деятелей XVIII века“ (ib., 1891); Н. Попов „Ученые и литературные труды Татищева“ (Санкт-Петербург, 1886); П. Н. Милюков „Главные течения русской исторической мысли“ (Москва, 1897).